

УДК 008 (103)

ВЛАСТЬ И ЗНАНИЕ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

А. Н. Ильин

Омский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 20 декабря 2010 г.

Аннотация: *статья посвящена рассмотрению специфических особенностей взаимосвязи «власть – знание». Опираясь на известные теории М. Фуко, автор раскрывает проблематику власти, властных отношений, их взаимодействия с наукой и знанием, примеряя данную проблематику к современности.*

Ключевые слова: *власть, знание, наука, властные отношения.*

Abstract: *the article is devoted to consideration of specific features of the relationship «power – knowledge». Resting upon famous Foucaults theories, the author reveals the problem of power, power relations, their relationship with science and knowledge, adjusting this problem in accordance with the modern situation.*

Key words: *power, knowledge, science, power relations.*

Мишель Фуко предложил достаточно оригинальную концепцию власти. Можно сказать, что понятия власти и властных отношений проходят красной нитью практически через все его творчество. В своих книгах он обращает внимание на разные явления, тем или иным образом связанные с властными отношениями. Так, им описываются архитектурные особенности школ, тюрем и больниц, анализируется процесс трансформации взглядов относительно безумия, подвергается осмыслению закономерность между господствовавшими в ту или иную эпоху медицинскими наставлениями и образом жизни граждан, «заботившихся о себе». В общем, Фуко видит во многих, на первый взгляд, мало связанных с властью явлениях непосредственные проявления отношений власти. Его главный интерес – не описание какой-либо истины как константы, элемента действительности, а создание истории мысли как чего-то, имеющего отношение к истине. Эти мысли и концепции, импульсы к истинности, взятые в своей процессуальности, являются основным предметом осмысления Фуко, равно как задаваемые той или иной культурой правила и границы реализации этой процессуальности (векторности), определяющие горизонт поиска истины.

В текстах французского мыслителя мы одновременно встречаемся с Фуко-философом, Фуко-историком и, конечно же, с Фуко-политологом. В настоящей работе мы рассмотрим политологическое направление фукианской мысли, хотя, используя термин «политологическое направление», мы ввергаем себя в некую условность, поскольку едва ли можно его творчество категорично разделять на историю, философию и поли-

тологию. Все эти области знания в текстах Фуко объединяются в определенный синтез, в своего рода конфигурацию. Под политологическим направлением мы, скорее, понимаем пространство мысли – философской и исторической, – которое представляет лоно, содержащее в себе политологическую предметность. И эта предметность исследуется при помощи знаний других, не политологических, областей.

По замечанию Ж. Делеза, анализирующего фукианское философское наследие, «власть не обладает гомогенностью, а определяется единичностями, теми сингулярными точками, которые она пересекает» [1, с. 49]. Власть у Фуко децентрирована, она не имеет строго локализованного источника, она исходит отовсюду. Согласно наиболее распространенной концепции, именно государство является очагом власти. По Фуко, государство – это результат совместного действия множества очагов, образующих «микрофизику власти», точка их институциональной интеграции, и точки отправления власти локализуются не только в государственной воле. Они бывают разные – как государственные, так и негосударственные. К точкам отправления власти можно отнести как полицию, армию, правосудие, медицину (институциональные), так и отношения между мужчиной и женщиной, между знающим и незнающим, между родителями и детьми, внутри семьи, между душевнобольными и разумными (неинституциональные). В обществе существует много различных властных отношений – макросражений и микросражений. И совсем не обязательно отношения власти жестко подавляют, они также стимулируют, воспитывают, соблазняют. Сама же власть – это множественность отношений силы, их игры и стратегии, общий абрис которых воплощен в государственных аппаратах, в формулировании закона и в формах социального господства [2]. Причем эти силы могут вступать в любые отношения; между ними можно наблюдать как ожесточенные схватки, так и компромиссное взаимодействие, и далеко не всегда данные силы и характер их отношений отличаются стабильностью.

Власть – это не институт и не структура, она надинституциональна, надструктурна, это стратегическое место встречи различных сил. Власть, скорее, не принадлежит, а отправляется; она – не привилегия класса господ [3]. Собственно, власть – это совокупность любых сил, возникающих в обществе и оказывающих влияние как на общественный организм в целом, так и на отдельные его части – социальные прослойки и разного рода объединения. В обществе, где существует множественность рассредоточенных систем господства, существует множественность власти. И – по Фуко – нет отношений власти, которые полностью восторжествовали бы, и господство которых было бы необратимым, и нет отношений власти без сопротивления; именно поэтому власти можно сопротивляться, но не власти в ее абстрактном (фукианском) смысле, а некоей конкретной форме властных отношений. Поскольку власть – в таком ее максимально абстрагированном виде – охватывает собой все общество, пронизывает все социальные аппараты, институты и индивидуальные единства, исходя отовсюду, снимается противоречие власти и сопротивления

ей. Сопротивление как нечто внешнее может сохраняться только по отношению к какой-то конкретной форме власти, но не к власти вообще. Если власть везде, то против чего тогда восставать? Опzioniруя чему-либо, мы не можем доверять даже нашему критическому отношению к объекту опzioniрования, которое направлено на избличение некоей формы власти. Бунтовать можно против конкретных законов, принятых правительством, против этого правительства и его политики, но не против самой власти. Причем бунт есть очередная форма власти, так как множественность точек сопротивления – та же власть. Избегая одной дискурсивной практики, мы с неизбежностью входим в лоно другой, которая конституирует своего субъекта, свое послушное тело, над которым имеет свою власть, что и называется тотальностью дискурса.

Вряд ли можно согласиться с тем, что не существует отношений власти, которые не натыкались бы на сопротивление. Если вспомнить тоталитарные режимы XX в. (Германия, СССР, Италия, Япония, Чили), едва ли мы можем найти очаги сопротивления им (по крайней мере, внутренние очаги). Конечно, в СССР и в тридцатые годы были несогласные, но, во-первых, их было не так много, чтобы можно было вообще принимать их всерьез в количественном отношении; во-вторых, они имели настолько малую силу, что в качественном отношении также едва ли следует их конституировать как оппозицию, наделенную силой. Чтобы не ходить далеко, в подтверждение тезиса о существовании властных отношений, которым чужда оппозиция, приведем современное российское правительство. Несмотря на то, что массмедийное пространство заполняют перекрикивающие друг друга голоса о торжествующей в стране демократии, реальное положение дел знаменует отсутствие свободы слова и печати и хотя бы каких-то либеральных ценностей. Власть (официальная, т.е. правительственная) коррумпирована сверху донизу, СМИ находятся в цензурируемом положении (поэтому-то в прессе и звучат голоса, восхваляющие правительство), оппозиции как таковой не существует (многопартийность мнимая, а на самом деле политику движет только «Единая Россия»). И хотя в стране много не согласных с господствующим режимом, дискурс несогласия не имеет реальных сил для изменения политической ситуации в стране. Следовательно, некие формы власти имеют лишь номинальное, а не реальное сопротивление [4].

Власть, представляя из себя множественность отношений, динамична по своей природе. Всюду в обществе происходят столкновения на различных уровнях, всюду происходит постоянная смена фаз – от восстания к господству и от господства к восстанию. Даже детские капризы являются чем-то вроде бунта. Отношения власти вклиниваются в любые типы отношений – семейные, производственные, половые, брачные, образовательные. И, соответственно, нет никаких «обочин», которые знаменовали бы полную свободу от властных отношений; между ячейками власти нет безвластных мест [5]. Скорее даже, ячеек «между» не существует, так как формы власти накладываются одна на другую, образуя внутренне конф-

ликтную и постоянно подвижную (динамичную) конфигурацию. Однако невозможность дистанцироваться от власти, быть за ее пределами совершенно не значит, что мы всегда охвачены какой-то конкретной формой власти. Мы охвачены всепроникающей властью, но не какой-то одной ее формой, не каким-то конкретным ее институтом.

Власть находится не в руках господствующего класса, она проникает везде, управляя как «господствующими», так и «подвластными». «... Одна из первейших вещей, которую необходимо понять, – это то, что власть не располагается в государственном аппарате и что в самом обществе ничего не изменится, если механизмы власти, которые действуют за пределами государственных аппаратов, под ними, рядом с ними, на намного более низком уровне, на уровне обыденном, не будут изменены» [6]. Трудно в полной мере согласиться с такой позицией. Естественно, мы согласны с тем, что властные отношения существуют (в том числе) вне государства, и, соответственно, действия, направленные против тотализации общества и индивида, должны касаться не только государства, но и многих репрессивных властных явлений, не ангажированных государственной политикой: некоторые аспекты СМИ, рекламы, сектанство и прочее. Свергнув государство, мы свергнем не всю возможную репрессивность, а лишь ее часть. Отсюда проистекает наше несогласие с мыслью Фуко о том, что власть не находится в государственном аппарате. Конечно, она там есть, но государство – не единственное средоточие власти. Кроме того, философ в приведенном высказывании противоречит сам себе: сперва он называет государство точкой властных очагов, а потом говорит об отсутствии власти внутри государства.

«Каждая сила одновременно обладает способностью воздействовать на другие силы и испытывать воздействие со стороны других сил, так что каждая сила подразумевает взаимоотношения власти» [1, с. 99]. Таким образом, любую силу можно назвать одновременно как воздействующей, так и испытывающей воздействие, т.е. понятия власти и насилия нельзя отождествлять, их стоит рассматривать как общее и частное. Не всякая власть предполагает, несет и инспирирует насилие. Не всякая власть запрещает и репрессивует, она также может стимулировать, побуждать, вызывать желание и т.д. Желание, таким образом, становится продуктом власти (вспомним «желающее производство» Делеза и Гваттари). Как писал Ж. Бодрийяр, раньше для последователей В. Райха и фрейдомарксистов желание и власть находились по разные стороны баррикад, а сейчас микрожелание (власти) и микрополитика (желания) совпадают [7]. Впрочем, они и раньше совпадали, что можно рассматривать через процесс интериоризации, вследствие которого индивид присваивал властные нормы и предписания так, что воспринимал их уже не как навязанные извне, а как свои собственные. Просто тогда все-таки принято было противопоставлять, антонимировать понятия власти и желания, а сейчас – наоборот, синонимировать. И обе концепции одновременно могут претендовать на описание реальности, равно как и каждой из них может быть отказано в описательской привилегии. Дело в том, что, при-

нимая ту или иную теорию, необходимо сначала определиться с четким и конкретным означаемым обоих терминов, что сделать весьма сложно. Например, расширяя понятие власти (подобно Фуко), целесообразно рассматривать желание как ее частный аспект. И вообще, нелишне задаться вопросом о субъекте желания: «мое ли это желание или *что-то*?». И где же находится граница между *собственно моим* и *моим интериоризованным* желанием? В смысле таковой неразрешенности вполне правомерно предложение Бодрийяра забыть о власти и желании, если одно из них становится другим.

По Р. Барту, не существует разных идеологий; идеология одна – именно та, которая является властвующей, а потому понятие «господствующая идеология» тавтологично – она в любом случае господствующая, поскольку у угнетенного класса идеологии нет [8]. Эта концепция в некотором роде противоречит теории Фуко. Мы согласимся скорее с Фуко, отметив, что у любого источника властвующего воздействия – независимо от силы присущей ему власти – есть определенная идеология. Так, любая политическая партия, которая не наделена государственной властью, отличается, тем не менее, определенными властными тенденциями, а также идеологической позицией, которая утверждена в программе партии. Кроме того, исходя из слов Фуко о том, что каждая сила как воздействует, так и испытывает воздействие, не представляется особо уместным разделять эти силы на господствующую и угнетенную. Конечно, с этим утверждением можно поспорить, если брать во внимание хотя бы современную ситуацию в России, когда партийная «верхушка» узурпировала права на содержание сообщений СМИ, взяв в свои руки управление телевидением, радио и другие источники информации и методом активной «фильтрации» уничтожив свободу слова. Но вместе с тем нельзя оспорить тот факт, что она, обладая большим удельным весом власти, испытывает воздействие со стороны масс и так называемой оппозиции: других партий, других источников власти. И даже если последние имеют намного меньшую силу, она все равно учитывается, а значит, партийная номенклатура испытывает воздействия от других источников власти и источников оппозиционных по отношению к ней идеологий.

Это наглядно демонстрируют предвыборные ситуации, когда политические мнения масс изучаются, народ подвергается опросам, предметом которых выступает фиксация народного мнения, его приверженность той или иной партии. Политикам интересно, чем дышит общественность, и этот интерес вызван страхом незнания мнения масс, от которых неизвестно чего можно ожидать – покорности, несогласия или взрыва. Еще Ж. Бодрийяр описывал эту ситуацию [9]. Неважно, на сторону какой партии встанет народ; важно, что он, сказав свое слово, перестанет быть «черным ящиком». Когда люди высказали свою позицию, проявили свою политическую субъектность (или «псевдосубъектность»), к ним перестали относиться как к молчаливому большинству, находящемуся в тени. Высказывая свои политические взгляды, люди выходят из покров

ночи, ступают на свет и тем самым перестают представлять для политиков безмолвное «нечто». Они становятся прозрачными, их действия лишаются таинственности подобно действиям заключенных Паноптикума. Их мнения влияют на деятельность господствующей партии; последняя каким-то образом корректирует свою деятельность, прислушиваясь к позиции масс. Но прислушиваться – не значит выполнять. Она не обязательно будет реализовывать массовые требования, но будет их учитывать.

Возвращаясь к проблеме противоречия в концепциях Барта и Фуко, отметим следующее. В другом своем произведении Барт трактует власть аналогичным Фуко способом: она гнездится в самых тонких механизмах социального обмена и воплощается не только в государстве, но и в классах, группах, в моде, в расхожих мнениях, в зрелищах и спорте, в СМИ, в семейных и частных отношениях и даже в недрах порыва к свободе, который стремится к ее искоренению – все это говорит о ее множественности. Барт уподобляет власть паразитарному наросту, а ее выражением считает язык, который сам по себе дискурсивен (язык – способ классификации и форма принуждения, а всякая классификация – подавление; свободы не существует, так как она возможна только вне языка) [10]. Мы видим, что здесь позиции Фуко и Барта в отношении власти очень близки, они не противоречат, не взаимоисключают, а скорее вторят друг другу в своем исследовательском проекте рентгеноскопии власти.

Дисциплина, по Фуко, не может отождествляться с каким-то конкретным общественным институтом, так как она – тип власти, пронизывающий разные аппараты и институты, и связывает их между собой. Даже полиция и тюрьма, созданные государством, не в полной мере подчинены последнему. В своей деятельности они выходят за рамки аппарата государства.

По нашему мнению, данное разделение государственной власти и власти различных государственных институтов не может быть произведено окончательно, т.е. не представляется возможным полностью разотождествлять их. Все равно полиция является институтом, исполняющим государственную волю и следящим за исполнением законов. Однако в некотором роде данное разделение имеет место, если обратить внимание на далеко не полное соблюдение полицией законов, а иногда и использование последних в своих корыстных целях. Так, существует много примеров, описывающих использование служебного положения в среде государственных служащих (в том числе и полицейских) во имя достижения сугубо индивидуальных интересов. Так называемый полицейский или тюремно-надзирательский произвол является в сущности примером децентрации власти. Или наиболее ярким примером может выступать массовая политизация на региональном уровне. Достаточно вспомнить выборы 2006–2007 гг., когда местная (городская или областная администрация) принуждала работников государственных учреждений вступать в «Единую Россию» под угрозой увольнения. И зачастую эти репрессивные меры исходили не из Москвы, не от партийной эли-

ты, а именно от местной администрации. Являясь инициативой местной формы власти, репрессивные авторитарные меры если и соответствовали деятельности самой партии, то гораздо в меньшей степени, чем тем, кто их реализовывал на самом деле. Существует мнение, что в 30-е гг. XX в. сталинские репрессии с наибольшим размахом проявляли себя на периферии, а не в месте локализации партийной верхушки. Таким образом, приказы и распоряжения, исходящие из центра, на периферии имеют свойство трансформироваться и еще более ужесточаться. И этот процесс трансформации распоряжений влечет за собой децентрацию власти. Конечно, мы не стремимся здесь оправдать деятельность Сталина или современного правительства, так как никакой демократичностью и гуманностью они не отличаются. Но и в полной мере демонизировать «центр» также не представляется целесообразным, поскольку власть реализуется не только центром, но и периферией.

Фуко рассматривает власть в необходимой связке с понятием «знание», поскольку любая модель истины отсылает к какому-то типу власти. «Истина – дитя мира сего, она производится в нем благодаря множеству правил и ограничений» [11, с. 206]. Истина – это не общая норма и не ряд пропозиций, а совокупность приемов, позволяющих произносить высказывания, которые рассматриваются как истинные; нет никакой высшей инстанции, создающей истину, но существуют различные области, кодифицирующие истину (науки, СМИ), которым верят и их мнение воспринимают как истину в последней инстанции [12]. Философ вообще отказывается от поиска истины как таковой, чему на протяжении всей истории мыслители уделяли огромное внимание. По его мнению, нужно искать не истину, а фиксировать причины, по которым та или иная концепция признается истинной. Каждое историческое социальное поле (эпистема) обладало своим специфическим типом знания, каждое общество имеет свою политику истины, к которой сводятся принимаемые и используемые в качестве истинных типы рассуждений, позволяющие отличать истинные высказывания от ложных, механизмы и органы-технологии получения истины, статус говорителей истинного.

Французский философ выделяет черты политической экономии истины: она сосредоточена в форме научного рассуждения в производящих ее институтах, она подвергается постоянной политической и экономической стимуляции (потребность в ней есть как в экономическом производстве, так и ради политической власти), она – объект бесконечного распространения и потребления в органах образования и СМИ, она контролируется несколькими институтами (университет, армия, письмо, СМИ), она – ставка всякого спора и общественного противостояния (идеологической борьбы). Истина – это система процедур, согласованных и упорядоченных ради производства, узаконивания, введения в обращение и распределения того, что высказано [11]. Истина подчинена не политической власти, а власти вообще; развитие научного знания обязано переменам, происходящим в механизмах власти, например, биология создавалась благодаря развитию земледелия, связи с другими странами и господству

над колониями [13]. По нашему мнению, концепция Фуко, связывающая знание и власть, более широко описывает появление и развитие знания, нежели, например, концепция Т. Куна, которая рассматривает науку имплицитно, а трансформацию научных истин представляет как процесс, связанный именно с научными властными отношениями, а не вообще с властью в целом. Если углубляться в историю человеческой цивилизации, вряд ли мы сможем найти период, который характеризовался свободным развитием науки. Власть, принимающая те или иные формы – будь то собственно политическая или теологическая, всегда проникала в научную область, диктовала ученым свои требования, устанавливала собственные законы и правила. Это оказывало огромное влияние на развитие науки. «К сожалению, при вмешательстве политических сил научные диспуты не всегда носили корректный характер», – пишет Ж. К. Кенниспаев, после чего в несколько трагично-ироничной форме добавляет: «В результате этого многие ученые испытывали физические страдания за метафизические рассуждения» [14, с. 145].

Из всего сказанного о связке «истина–власть» можно вынести суждение, что истина не существует в едином облике и в единственном числе, она не образует какой-либо внутренне непротиворечивой целостности (типа куновской парадигмы), а разбивается на большую совокупность истин, которые, подобно разного рода властям, могут находиться в состоянии конфликта, противостояния и взаимоисключения. Истин много, но все это множество – результат функционирования множества властных очагов, каждый из которых производит и конституирует свою истину. Кроме того, произведенные истины сами становятся властными отношениями. Таким образом, стоит предположить, что власть, производя необходимые ей истины, расширяет саму себя, становится посредством этих истин более избыточной. Не без иронии заметим, что анализируемая нами теория Фуко тоже претендует на определенного рода истинность (а иначе она не была бы концепцией); следовательно, ее появление также обязано некоему типу власти, специфика функционирования которой выступает причиной появления и распространения данной концепции.

Как отмечается, инстанция власти является фактором динамики социального поля, который объясняет смену познавательных полей [15]. Власть – это одновременно сила порождения и сила подавления знания. Властный дискурс не только производит знание о субъекте, но и определяет отношение субъекта к какому-либо знанию, подтверждает его право на получение определенного знания и на определенные высказывания. Таким образом, знание, право на него и обязанности по отношению к нему неразделимы, что и говорит о неотделимости знания от власти. Мало того, истина сама по себе также представляет одну из форм власти, поэтому ее нельзя освободить от той или иной системы власти, но власть истины можно отделить от различных форм гегемонии (культурной, общественной, экономической), внутри которых она действует, к чему и призывает Фуко.

Французский философ создает связку «власть–знание», матрицами сосредоточения которой выступают приют для психических больных, госпиталь, тюрьма, школа. Существование власти и формирование знания обуславливают друг друга. Любое знание – это наличие определенных систем накопления, хранения, кодифицирования и распространения информации; власть – это присвоение, распределение и удержание знаний. Знание само по себе есть власть, и наоборот, власть есть всегда знание. Таким образом констатируется нераздельное целое «власти–знания».

Власть создает и контролирует процесс создания дискурсов, которые являются своеобразными кладезями знания и методологическими базисами для его создания. По замечанию Г. А. Бейсеновой, «в порядок дискурса никогда не вступит тот, кто не удовлетворяет определенным требованиям или же с самого начала не имеет на это права» [16, с. 218]. Похожую мысль мы находим у Р. Барта. Он пишет, что природа человеческого знания определена социальными институтами, которые навязывают свои способы членения и классификации, подобно языку, который заставляет нас мыслить именно так, а не иначе [17].

Дисциплинарная власть диктует правила создания знания. Так, в своих работах [18; 19] Фуко описывает те властные условия, благодаря которым появились такие формы знания, как психиатрия, педагогика, архитектура (специальные сооружения для клиник и тюрем, например, паноптикум). Кроме того, в этих книгах философ уделяет особое внимание не только детерминантам возникновения данных дискурсивных практик, но и условиям их трансформации. Так, например, на протяжении «истории безумия» психиатрия как отдельная область знания претерпевала трансформационные процессы, определенную секуляризацию: менялось отношение к больному, методы работы с ним (лечения или содержания). То же самое происходило и в контексте наказания преступников, что проявляется в переходе от публичных пыток к «закрытым» формам наказания, к появлению тюрем и свойственной им дисциплине. Армейская и школьная дисциплины, создающие послушных индивидов, также имеют определенное значение в контексте «власти–знания». Иными словами, тюрьма, школа, больница, казарма, завод – это пространства нормализации индивидов. Но нормализуются не только подопечные (солдаты, ученики, заключенные), но и сам персонал. Нормализация персонала происходит путем сбора знания о нем через системы аттестации, дипломирования, повышения квалификации и т.д., т.е. объектом власти–знания выступает не только ученик, но и учитель (если рассматривать именно школьный контекст). Это в некотором смысле объясняет инертность системы образования, ее нежелание принимать новую информацию и модифицировать образовательные стандарты. Когда происходит такая модификация, она должна «идти в ногу» с потребностями власти, но не оставаться самой собой, оторванной от этих потребностей. Отчасти здесь можно провести параллель с концепцией Т. Куна о консервативности научного дискурса [20], несмотря

на то, что известный представитель постпозитивизма усматривал в качестве основной причины этого консерватизма так называемую психологию научного сообщества и не более того.

Практики дисциплинарной власти конституируют тело человека как объект властного воздействия, мишень муштры, дрессуры, дисциплины, контроля, обучения. Кроме того, они конституируют не только тело, но и душу, когда внешняя мораль переходит вовнутрь. Фуко дает нам замечательный пример описания субъекта, существующего внутри паноптической системы, которая проникает вовнутрь его сознания, определяет индивидуальность и конституирует субъективность. Она навязывает ему правила, нормы и законы, делая из него послушного индивида. И главной детерминантой такой интервенции вовнутрь выступает архитектура паноптикума: кругообразное здание, в середине которого находится башня надзирателя, а по кругу расположены камеры. В каждой камере есть два окна (одно выходит во внешнюю сторону, а другое обращено к башне), позволяющих свету проникать в камеру. Соответственно, из башни хорошо видны люди, заключенные в камерах; полная освещенность и надзирающий взгляд стерегут лучше темноты [21]. Будучи постоянно видимым и осознавая свою видимость внутри камеры, в которую проникает свет, заключенный из страха разоблачения строит свой образ жизни так, чтобы не совершать никаких проступков, т.е. субъект интериоризирует внутрь себя властную идеологию, которая становится неким внутренним цензором, подобием фрейдовского Сверх-Я. Осознание наблюдающего взгляда надзирателя приводит к наблюдению за самим собой.

По замечанию Ж. Делеза, знания не могут интегрироваться без существования дифференциальных отношений власти. Но как отношения власти определяют отношения знания, так и наоборот [1]. Похожее высказывание мы находим у Ж. Лиотара, который, считая знание и власть двумя сторонами одного вопроса, поднимает проблему: кто решает, что есть знание, и кто знает, что нужно решать? [22]. Таким образом, одно без другого существовать не может, и оба компонента образуют единую нерасчленимую связку.

В структуре современного знания, представляющего собой кластер различных мнений и «истин» из самых разных областей, мы находим множество противоречий: разные мнения относительно перспективности лечения (медикаментозное или немедикаментозное), будущности потепления или похолодания, инициаторов взрывов Башен-Близнецов в Нью-Йорке и жилых домов в Рязани (фундаменталисты или спецслужбы). «Сам рынок конспирологической литературы во многом призван дезориентировать людей, топить их в потоке информации, в котором они не способны разобраться, отвлекать внимание от реальных секретов, от тех мест, где их действительно прячут» [23]. И на помощь этому рынку, а точнее, некоторым индивидуальным волям (или очагам власти) приходит наука или некое «знание», всего лишь обернутое в наукоемкую оболочку. Перед этим «знанием» ставится задача – не поиск истины

(основная цель науки), а оправдание в глазах общественности действий заказавшей данное «знание» группы лиц. Таким образом реализуется связь «власть–знание».

Например, тоталитарные режимы ради оправдания политики террора склонны апеллировать (в основном спекулятивно) к авторитетному мнению. Сталин обращался к марксистско-ленинской философии (и весь социалистический дискурс – не только научный – был ею ангажирован), Гитлер прикрывался ницшеанством; кроме того, в эпоху гитлеризма наука была призвана легитимировать нацизм созданием теорий о расовом превосходстве и т.д. Нынешняя власть просто апеллирует к безличному авторитету современников: «по мнению экономистов, принятые нами решения относительно дальнейшего развития страны наиболее оптимальны...». Но отсылка к некоему известному и общепризнанному источнику необязательно легитимирует фразу, содержащую эту отсылку, в некоторых случаях, скорее, наоборот, отсылка призвана скрывать нелегитимность фразы.

Интерес властвующих верхов способен встраиваться в научный дискурс, задавать тот или иной вектор развития этого дискурса, классифицировать проблемы как научные и ненаучные, актуальные и неактуальные. Однако такая политическая интервенция в силу степени ее вмешательства отчуждает науку от самой себя, лишает ее объективности и собственно научности. Конечно, исходя из взглядов М. Фуко на взаимоотношения власти и знания, одно без другого существовать не может, и между ними обязательно присутствует детерминизм. Но – скажем мы – степень подконтрольности науки властным структурам может быть различной, и чем она меньше, тем больше шансов у науки оставаться самой собой.

На существование связки «власть–знание» во многом указывает широкое пространство СМИ. В мире массмедиа далеко не все новости освещаются только потому, что имеют под собой определенные события. Некоторые новости освещаются, некоторые искажаются, а о некоторых специально замалчивают, поскольку это кому-либо необходимо. В современной России средства массовой информации настолько ангажированы государственной властью (уже не властью в широком фукианском смысле, а именно государством как одним, а сейчас в нашей стране практически единственным очагом властных влияний), что проникновение в массмедийное пространство информации, не выгодной государству, почти невозможно. О многих фактах, подрывающих доверие народа к нынешнему правительству (разгоны митингов и пикетов несогласных, коррумпированность почти всего тела «Единой России» снизу доверху, многочисленные нарушения партией власти Конституции и т.д.), СМИ предпочитают не говорить ни слова.

Если рассматривать взаимосвязь власти и знания в более широком смысле, стоит привести в качестве примеров «истинь», которые, опять же, политически выгодны, но уже не правительству какой-либо одной страны, а так называемому «мировому правительству». В СМИ появи-

лись опровержения некоторых из них. Так, в Интернете на определенных сайтах мы находим информацию о том, что; 1) башни Торгового Центра были уничтожены не исламскими фундаменталистами, а американскими спецслужбами; 2) прививки разрушают иммунитет человека, а не укрепляют; 3) расхожие футурологические прогнозы о глобальном потеплении не доказаны. Мы не станем однозначно заявлять о том, что официальные версии относительно данных явлений в корне мифологичны. Однако факт заключается в том, что они необходимы политической власти для экономического процветания ее адептов, для сохранения этой власти путем сокрытия от широкой общественности ее настоящего лица под маской разного рода мифов, т.е., многие «общепризнанные факты» представляются как научно доказанное знание именно потому, что это кому-то нужно. Тема политической ангажированности массмедиа очень актуальна и злободневна. Но формат данной статьи не позволяет нам глубоко рассмотреть многообразие примеров, раскрывающих взаимосвязь власти и знания, поэтому ограничимся приведенными размышлениями. К тому же изучение взаимосвязи правительственной воли с определенным знанием не в полной мере, а лишь в узком ракурсе доказывает фукианскую связку власти и знания.

Но власть может быть не только внешней, а еще и так называемой внутренней. Правда, едва ли есть смысл придавать ей значение «внутреннего», так как, по мнению Фуко, все внутреннее – это всего лишь складка внешнего. Когда человек начинает управлять самим собой, внешняя власть изгибается, образуя складку, порождая уже не отношение других к себе, а отношение себя к себе. Таким образом, самообладание и саморегуляция есть практика внешней* власти. Субъект же этой власти – или то лицо, которое принято так называть, поскольку он ее реализует, – на самом деле таковым совершенно не является. Субъективация – это процесс образования складки, а рожденный субъект – результат этого процесса. Так же, как человек не мыслит, а мыслит мышление через него, человек не властвует над собой, а это делает сама власть его руками. Таким образом, управляющий собой субъект, посредством этого управления обретающий свою индивидуальность, становится подчиненным процедурам индивидуализации, вводимым властью. Отношение к себе подконтрольно отношениям власти и знания. Вообще, отношения субъективации – это часть поля властных отношений, это властные отношения, функционирующие для удвоения и воспроизводства властных отношений, т.е., будучи элементом власти, они, кроме того, еще и работают на воспроизводство этой самой власти.

По мнению Фуко, власть, контролируя детскую сексуальность, стремится расширить самое себя путем распространения объекта, над которым установлен контроль. Порок ребенка, таким образом, выступает,

* Слово «внешнее» здесь используется только для того, чтобы показать источник этой власти, локализованный вовне по отношению к тому, кто эту власть по отношению к себе проявляет. По сути, любая власть является внешней, поэтому использование термина «внешняя» не совсем уместно.

скорее, опорой для существования власти, а не ее врагом; он должен расширяться и размножаться, а не исчезать [24]. Этот принцип власти – назовем его основным ее принципом – имеет место не только в контексте контроля за детской сексуальностью, не только в контексте контроля именно за сексуальностью, но и в метаконтексте властных отношений в целом. Казалось бы, власть и присущие ей запреты, законы и тому подобное следуют цели искоренения и уничтожения объектов запрета, уничтожения некоторых форм девиации и делинквентности. Но в таком случае она идет к уничтожению самой себя; ведь если – представим себе на миг утопический вариант идеального общества – цель уничтожения всего того, что находится под запретом (преступность, многие формы девиации и т.д.), придет к своей полной реализации, то необходимость в существовании государственной власти также снизойдет на нет. Поэтому власть, наоборот, под видом уничтожения ненавистных ей форм отклонения на деле стремится установить над ними контроль – контроль над их распространением; она – пособница того, что изобличает. *Чем больше в обществе преступности, тем больше общество нуждается во власти.*

Но поскольку Фуко определял власть как взаимоотношения сил, видя в любых взаимоотношениях проявление власти, содержание самой категории предстает в предельной широте и безграничности. В таком случае само понятие нормы и патологии, их соотношение и феномен взаимоперехода обрастают абстракцией: то, что для одной власти (идеологии) является нормальным, для другой – патологично.

По Фуко, все есть власть и любые человеческие отношения могут быть рассмотрены через призму властности. Уместно упомянуть закон обратного отношения между объемом понятия и его содержанием, согласно которому чем шире представляется изучаемый объект, тем труднее дать этому объекту исчерпывающее определение. Перефразируя изречение Ж. Лакана («О вещи, которую никто и в глаза не видел, с равным успехом можно сказать, что она “везде” и что она “нигде”» [25, с. 10–11]), скажем: о явлении, которое имеет слишком широкое поле значений, в равной степени можно сказать, что оно «везде» и «нигде» одновременно. Если власть – это *всё* и исходит *отовсюду*, значит, она *ничто* и исходит из *ниоткуда*.

34 Власть проникает во все сферы человеческого бытия – от повседневности и быта отдельного индивида до межнациональных отношений. Она находится везде и исходит отовсюду. Таким образом, власть, являясь всем, становится ничем. Она не обладает четкой идентичностью (государственная, корпоративная и т.д.), она не представляет собой единую и внутренне непротиворечивую совокупность идей, норм, ценностей и санкций. По сути, она, подобно постмодернистскому «расщепленному» субъекту, разделена на множество разных идентичностей, взаимодействие которых можно представить в виде огромного полилога, где каждый пытается затмить (перекричать) всех остальных, но его голос неизбежно сливается со всеми другими в какую-то какофонию, лишенную четких характеристик. Фуко, по нашему мнению, расширяя понятие власти, до-

водит его до такого предела, до такой крайней точки, когда эта категория лишается своего четкого значения, превращаясь в означающее без означаемого.

Литература

1. Делез Ж. Фуко // Ж. Делез – М. : Изд-во гуманитарной литературы, 1998.
2. Фуко М. Интеллектуалы и власть / М. Фуко // Фуко М. Интеллектуалы и власть : избранные политические статьи, выступления и интервью. – М. : Практис, 2002. С. 66–80.
3. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М. : Ad Marginem, 1999.
4. Ильин А. Н. Корпорация власти : критический анализ / А. Н. Ильин // Электронный информационный портал «Русский интеллектуальный клуб». Режим доступа: <http://rikmosgu.ru/publications/3559/4137>
5. Фуко М. Власть и стратегии / М. Фуко // Фуко М. Интеллектуалы и власть : избранные политические статьи, выступления и интервью. – М. : Практис, 2002. – С. 303–318.
6. Фуко М. Власть и тело / М. Фуко // Фуко М. Интеллектуалы и власть : избранные политические статьи, выступления и интервью. – М. : Практис, 2002. – С. 167–168.
7. Бодрийяр Ж. Забыть Фуко / Ж Бодрийяр. Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/ baudrill/fouc_1.html
8. Барт Р. Удовольствие от текста / Р. Барт // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М. : Издательская группа «Прогресс» ; Универс, 1994. – С. 462–518.
9. Бодрийяр Ж. Фантомы современности / Ж. Бодрийяр // Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. – М. : Алгоритм, 2007. – С. 186–270.
10. Барт Р. Лекция / Р. Барт // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М. : Издательская группа «Прогресс» ; Универс, 1994. – С. 545–569.
11. Фуко М. Политическая функция интеллектуала / М. Фуко // Фуко М. Интеллектуалы и власть : избранные политические статьи, выступления и интервью. – М. : Практис, 2002.
12. Фуко М. Власть и знание / М. Фуко // Фуко М. Интеллектуалы и власть : избранные политические статьи, выступления и интервью. – М. : Практис, 2002. – С. 278–302.
13. Фуко М. Дисциплинарное общество в кризисе / М. Фуко // Фуко М. Интеллектуалы и власть : избранные политические статьи, выступления и интервью. – М. : Практис, 2002. – С. 319–323.
14. Кениспаев Ж. К. Проблемы институализации философии сознания : монография / Ж. К. Кениспаев. – Барнаул : Изд-во ААЭП, 2007.
15. Зазулина М. Р. Социальная топология Мишеля Фуко : структура, динамика и генезис социального поля / М. Р. Зазулина // Научная конференция к 60-летию философского факультета СПбГУ «Философия XX века : школы и концепции», 21 ноября 2000 г. : материалы работы секции молодых ученых «Философия и жизнь». – СПб. : С-Петербург. философское общество, 2001. – С. 85–86.

16. Бейсенова Г. А. Философия образования М. Фуко как проекция концепции власти–образования / Г. А. Бейсенова // Образование и насилие : сб. статей / под ред. К. С. Пигрова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2004.
17. Барт Р. От науки к литературе / Р. Барт // Барт Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика. – М. : Изд. группа «Прогресс» : Универс, 1994. – С. 374–383.
18. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – СПб. : Университетская книга, 1997.
19. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М. : Ad Marginem. 1999.
20. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун // Структура научных революций. – М. : АСТ, 2003.
21. Фуко М. Око власти / М. Фуко // Фуко М. Интеллектуалы и власть : избранные политические статьи, выступления и интервью. – М. : Праксис, 2002. – С. 220–248.
22. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна / Ж. Ф. Лиотар ; пер. с фр. Н. А. Шматко. – М. : Институт эксперимент. социологии ; СПб. : АЛЕТЕЙЯ, 1998.
23. Фурсов А. И. Конспирология – веселая и строгая наука / А. И. Фурсов // Электронный информационный портал «Русский интеллектуальный клуб». 2010. Режим доступа: <http://rikmosgu.ru/publications/3559/4210/>
24. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – М. : Касталь, 1996.
25. Лакан Ж. Телевидение / Ж. Лакан. – М. : Гнозис : Логос, 2000.

Омский государственный педагогический университет

Илин А. Н., кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии

*E-mail: ilin1983@yandex.ru
Тел.: 8-950-338-15-73*

Omsk State Pedagogical University

*Ilin A. N., Candidate of Philosophy, Senior Lecturer of Philosophy Department
E-mail: ilin1983@yandex.ru
Tel.: 8-950-338-15-73*